

Время, 1861, N 1

Великая европейская знаменитость, оспаривавшая славу у Рашели и по смерти ея единственная артистка, которой геній въ состояніи вливать жизнь въ мертвенныя созданія классической трагедіи - Ристори, съ ноября мѣсяца прошлаго года, открыла съ своею трупною рядъ представленій въ Петербургѣ. Много толковъ, много сравненій не только съ Рашелью, но даже съ Каратыгинымъ и Мочаловымъ, она возбудила. Сравненія съ Рашелью были повтореніемъ того, что писали въ свое время въ Европѣ; но сравненія съ нашими трагиками, противоположными по самой сущности своихъ талантовъ, - новыя; иные говорили: это талантъ чисто-внѣшній, это Каратыгинъ въ юпкѣ; другіе - это талантъ неровный, восхищающій васъ вдохновенными минутами, и притомъ не одними и тѣми же при повтореніи пьесы, и падающій тогда, когда это вдохновеніе простываетъ, какъ это бывало съ Мочаловымъ.

Конечно сравненіе необходимо и неизбѣжно, чтобы составить себѣ полное понятіе о чемъ бы то ни было; но при одномъ сравненіи нѣсколькихъ талантовъ разныхъ странъ и народовъ нельзя оставаться только на одной нейтральной почвѣ искусства, ибо сравненіе укажетъ и на различіе, а различіе объяснится иногда только національностью артиста. Возьмите Олриджа, Гаазе, Рашель и Ристори, - вы увидите, что часто достоинства ихъ - не что иное, какъ выраженіе, въ высшей степени полное, генія народовъ, которымъ они принадлежатъ, а недостатки, или что на чужой глазъ кажется недостаткомъ, тоже общія ихъ соотчиамъ въ извѣстное время, при извѣстномъ социальномъ положеніи страны. Воспитаніе, среда окружающая артиста, темпераментъ наиболѣе общій народу, его привычки, мимика и жесты, направленіе прежняго вкуса общества - все это въ большей или меньшей степени отражается въ игрѣ актера, можетъ быть болѣе или менѣе благоприятно или неблагоприятно для артиста; конечно изящное въ народныхъ свойствахъ артистъ можетъ облагородить своимъ изящнымъ талантомъ, но рѣдко отъ него можетъ вполнѣ освободиться; одного только онъ не въ силахъ передѣлать - это самага темперамента, общаго съ своимъ народомъ, характера, который составляетъ его отличительную черту; всякое искусство неизбѣжно носить на себѣ печать народности, и ею отличается отъ искусства другого народа; маленькія голландскія картинки напримѣръ неимовѣрно-тщательной отдѣлки невообразимы въ Италіи; точно такъ грація, строгость и высота идеала итальянской живописи, съ Рафаэлемъ во главѣ ея, не могли никогда явиться въ Голландіи. Въ Италіи вы встрѣтите тысячи Форнаринъ, въ которыхъ геній художника провидитъ уже идеаль Мадонны; во Франдріи и Голландіи - и въ Мадоннахъ узнаете трудолюбивыхъ, опрятныхъ, большею частью съ полными формами, жонъ и дочерей тамошнихъ бюргеровъ.

Такъ точно смотря на Ристори, я не могу отдѣлать ее отъ Италіи. Не говоря уже о ея наружности, самый ея низкій контральтовый голосъ, для насъ столь непривычный, переноситъ васъ за По. Во всѣ свои роли она внесла и итальянское міросозерцаніе и всю силу итальянскаго генія. Она велика именно свойствами своей націи; всѣ ея недостатки -- общія современнымъ итальянцамъ. Классическая эпоха думала, что она можетъ создать и выводить на сцену часто людей, не принадлежащихъ ни времени, ни мѣсту: мы знаемъ, что это тоже было самообольщеніе: она выводила своихъ современныхъ людей. Французская трагедія, подъ именами греческихъ героевъ, представляла на сценѣ не болѣе, какъ придворный тогдашній кругъ; остальные европейскія націи, сами подражая въ жизни французамъ, воображали *человѣка* только подъ тогдашними французскими формами. Всѣ идеалы, созданные Ристори, какъ-будто сошли съ картинъ итальянскихъ галлерей, и въ умѣ вашемъ присоединяются прямо къ этому разряду впечатлѣній: знакомы вы съ этими идеалами, нравятся они вамъ (а кто знакомъ съ ними, тотъ не можетъ не любить ихъ) - вы будете благоговѣть передъ артисткой, которая влила въ нихъ жизнь, сообщила имъ движеніе; чужды вы имъ, - вы поймете артистку только въ половину. Разныя роли ея напоминаютъ стиль то того, то другого итальянскаго художника: есть что-то рафаэлевское въ ея созданіи Маріи Стюартъ; какая-то сдержанность, строгость и, во всѣхъ отѣнкахъ ея роли, рисунокъ ясный; въ самыхъ душевныхъ страданіяхъ ни одна черта не оскорбляетъ чувства красоты. Елизавета англійская и еще болѣе Юдиѳъ - это картины Павла Веронеза: тотъ же блескъ, движеніе, венеціанскій колоритъ на всѣхъ сценахъ, на всей роли. Тотъ же характеръ лежитъ и на самой леди Макбетъ: хорошо это или худо въ послѣднемъ случаѣ - это другой вопросъ, который предоставляемъ рѣшить другимъ. Особенно